

УДК 930.25:069.5 (=512.36)+(=512.31)
DOI 10.18101/978-5-9793-1709-0-79-85

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ О ФОРМИРОВАНИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА МОНГОЛОВ И БУРЯТ

© **Цыбиктаров Александр Дондопович**

доктор исторических наук, профессор
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
a.d.tsibiktarov@gmail.com

© **Диймажавын Эрдэнэбаатар**

доктор/Ph.D, профессор,
Улан-Баторский государственный университет
Монголия, г. Улаанбаатар
ediimaajav@gmail.com

Авторы вносят изменения в определение времени начала формирования антропологических особенностей центральноазиатской расы континентальных монголоидов, к которым относятся монголы и буряты. Антропологи начало этого процесса датировали хуннским временем, рубежом эр. Авторы обосновывают новую датировку — эпоха поздней бронзы, конец II — начало I тыс. до н. э. Основанием для внесения изменений стали: 1) новые датировки формирования культуры плиточных могил и культуры херексуров в середине II тыс. до н. э.; 2) выявленные авторами статьи крупномасштабные миграции населения обеих культур на территории друг друга в конце II—I тыс. до н. э.; 3) установленные факты этнических контактов носителей обеих культур. Они вызвали появление европеоидной примеси в антропологическом типе монголоидного населения культуры плиточных могил и монголоидной примеси в антропологическом типе населения культуры херексуров; 4) датировка этих процессов обосновывается радиоуглеродными датами из памятников обеих культур на контактной территории, а также датой фазы аридизации климата в степях Монголии, которая вызвала миграции носителей культуры плиточных могил и культуры херексуров.

Ключевые слова: палеоантропология, центральноазиатская раса, культура плиточных могил, культура херексуров, эпоха поздней бронзы, миграционные процессы, этнические контакты, метисация.

ARCHAEOLOGICAL SOURCES

ABOUT FORMING THE ANTHROPOLOGICAL TYPE OF THE MONGOLS AND BURYATS

Aleksandr D. Tsybiktarov

D.Sc. (Hist.), Prof.,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
a.d.tsibiktarov@gmail.com

Dyimajavyn Erdenebaatar

Doctor/Ph.D., Prof.,
Ulaanbaatar State University
Ulaanbaatar, Mongolia
ediimaajav@gmail.com

The authors in the article amend the starting period definition in developing anthropological features of the Central Asian race of continental Mongoloids, which include the Mongolians and Buryats. Anthropologists have dated the beginning of this process to the Xiongnu time, the turn of the eras. In the article, the authors substantiate a new dating — the Late Bronze Age, the end of the 2nd — the begin-

ning of the 1st millennium BC. The reasons for making the changes included: 1. New dates for the formation of the culture of slab graves and the culture of the Kherekurs in the middle of the 2nd millennium BC. 2. The large-scale migrations of the population of both cultures on the territory of each other at the end of the 2nd — 1st millennium BC identified by the authors of the article. 3. Established facts of ethnic contacts between the bearers of both cultures. They caused the appearance of a European admixture in the anthropological type of the Mongoloid population of the slab grave culture and a Mongoloid admixture in the anthropological type of the population of the Kherekurs culture. 4. The dating of these processes is substantiated by radiocarbon dates from the sites of both cultures in the contact area, as well as the date of the climate aridization phase in the steppes of Mongolia, which caused the migration of carriers of the culture of slab graves and the Kherekurs culture.

Keywords: paleoanthropology, Central Asian race, slab grave culture, Kherekurs culture, Late Bronze Age, migration processes, ethnic contacts, miscegenation.

Одним из важных источников для изучения проблемы происхождения любого народа являются антропологические материалы. В антропологическом отношении монголы и буряты относятся к центральноазиатской расе малого порядка внутри большой монголоидной расы. Внутри нее она отличается от других расовых групп наличием заметно выраженной европеоидной примеси. Кроме бурят и монголов в состав центральноазиатской расы входят калмыки, тувинцы, южные алтайцы и якуты [Гохман, 1980, с. 6–8]. Границы их расселения сопряжены с внутренними глубинными районами Азии, которые характеризуются резко континентальным климатом [Алексеев, 1974а,б, с. 87]. В русской и советской географической науке они были названы Центральной Азией, с чем, собственно, и связано происхождение названия антропологического типа указанных этносов.

В 1970-е гг. В. П. Алексеев на основании палеоантропологических материалов из раскопок с территории расселения представителей центральноазиатской расы пришел к выводу о степных районах Забайкалья, Центральной и Восточной Монголии как наиболее вероятной области ее формирования [Алексеев, 1974а, с. 88, 195]. Вопрос о времени сложения указанной расы вследствие недостаточности палеоантропологических материалов, демонстрирующих этапы ее сложения, по существу остался открытым [Там же, с. 87–88, 193–194].

К началу 1980-х гг. источниковая база по рассматриваемой проблеме пополнилась в результате интенсивных археологических исследований в Туве, а также в Прибайкалье, Забайкалье и Монголии. Следует особо отметить находки первых черепов эпохи бронзы с Тувы. Указанные обстоятельства позволили И. И. Гохману использовать ареальный метод в их анализе с учетом датировки материалов от неолита до средневековой эпохи. Он позволил ученому сделать вывод о том, что на протяжении эпохи бронзы и скифского времени в Туве, на западе современного расселения носителей центральноазиатской расы, преобладало европеоидное население, а на востоке, в Забайкалье — монголоидное. Данная ситуация, по мнению И. И. Гохмана, в целом сохранялась до средневековой эпохи [Гохман, 1980, с. 31]. Вместе с тем он обратил внимание на появление монголоидной примеси у населения Тувы в скифское время и ее значительное возрастание в последующую хунно-сяньбийскую эпоху [Там же, с. 32]. Относительно Забайкалья ученый отметил, что там «монголоидный комплекс признаков максимально выражен в ранние периоды: группы неолита и бронзы¹ располагаются в зоне современных байкальских черепов или близко к ним» [Там же]. Исходя из неоднородности антропологического состава населения в зоне формирования центральноазиатской расы на протяжении почти трех тысячелетий и сходства его в последние четыре-пять столетий, И. И. Гохман сформули-

¹ И. И. Гохман относил культуру плиточных могил к эпохе поздней бронзы, но ее датировку определял временем зарождения и развития скифских и сакской культур раннего железного века, т. е. VIII/VII–III вв. до н.э. [1980, с. 22].

ровал предположение о том, что «ведущим фактором расообразования центральноазиатской расы была метисация. Однако характер, направление и интенсивность этого процесса были разными в географически отдаленных областях и в разные исторические периоды» [Гохман, 1980, с. 32–33]. Данное заключение исследователь сопроводил графиком изменений в модуле профилированности лица и перенося по эпохам от неолита до современности. У населения Забайкалья они развивались в направлении появления небольшой европеоидной примеси, а у населения Тувы — более интенсивными процессами уменьшения европеоидного компонента в регионе и, наоборот, возрастания монголоидности. В итоге они завершились почти полным поглощением первоначально мощного массива европеоидов монголоидами. Но конечный результат этих разнонаправленных процессов был сходен и завершился формированием центральноазиатского комплекса. Процессы смешения групп населения разной расовой принадлежности в зоне размещения современных народов, характеризующихся особенностями центральноазиатской расы, в результате образования и распада племенных союзов привели в конечном итоге к расовой гомогенности населения на этой территории [Там же, с. 33, рис. 5]. Вместе с тем ученый отметил, что существенным недостатком его гипотезы являлось отсутствие палеоантропологических материалов из Центральной Монголии [Там же, с. 34]. Они появились к середине 1980-х гг. и были введены в научный оборот Д. Тумэн. По ее сведениям, черепа из плиточных могил Центральной Монголии характеризовались особенностями центральноазиатской расы, а черепа из плиточных могил Восточной Монголии — особенностями байкальского антропологического типа [Тумэн, 1985, с. 7–8, 15–16]. Таким образом новые появившиеся источники подтвердили гипотезу И. И. Гохмана. Д. Тумэн высказалась за возможность удревнения этого процесса до бронзового и раннего железного веков, связывая его со временем существования культуры плиточных могил [Она же, 1985, с. 8–9; Она же, 1992, с. 58–59]. Однако она затруднилась более точно, чем эпихально, датировать начало данного процесса вследствие отсутствия датирующих вещей в плиточных могилах с антропологическими материалами [Она же, 1985, с. 9].

В 1987 г. В. П. Алексеев, И. И. Гохман и Д. Тумэн при обобщении всех накопившихся материалов по палеоантропологии Центральной Азии каменного, бронзового и раннего железного веков высказались и по рассматриваемой проблеме. Они пришли к выводу, что начало активного смешения монголоидных и европеоидных групп относится к хуннскому времени, «когда разные локальные племенные группы населения, столетиями приуроченные к определенным местам обитания, будучи втянутыми в орбиту влияния гуннского племенного союза, пришли в движение ... Это означает начало интенсивного смешения, постепенного уменьшения контрастности и формирование, при явном преобладании монголоидного населения, смешанной по происхождению, но монголоидной по облику расы» [Алексеев и др., 1987, с. 237].

Подводя итоги исследованиям антропологов, можно сделать выводы о том, что регион формирования центральноазиатской расы они определили в границах степных районов Монголии и Забайкалья, а начало сложения отнесли к хуннскому времени.

Антропологи, решая вопрос о времени начала формирования центральноазиатской расы, во многом опираются на результаты археологических определений начала этнических контактов между населением археологических культур степей Монголии и Южного Забайкалья, характеризующимся разной расовой принадлежностью. Носителями монголоидного типа (байкальской расы) в указанных областях являлось население Прибайкалья, Забайкалья и Восточной Монголии эпохи неолита и энеолита. С ним своим происхождением был связан антропологический тип населения культуры плиточных могил, которую в 1920 — середине 1980-х гг. датировали скифским временем, VII–III вв. до н. э. Этот же период времени в Западной Монголии и Туве был связан с археологической культурой,

имевшей разные названия — уюкская, чандманьская, в другом случае — с двумя культурами: алды-бельской раннескифского времени (VII–VI вв. до н. э.) и саглынской (V–III вв. до н. э.), а также памятниками монгун-тайгинского типа, датировка которых была не вполне понятна. Однако в 1980–2000-е гг. в датировке этих археологических памятников и культур (культуры плиточных могил, культуры херексуров, курганов с безынвентарным обрядом захоронения) произошли существенные изменения. Авторами данной статьи было установлено, что время формирования культуры плиточных могил относится к середине II тыс. до н. э. [Цыбиктаров, 1989, с. 11–17; 2003, с. 25–28; Эрдэнэбаатар, 1997, с. 14, 22; 2002, с. 64–66, 145]. Этим же временем определялось начало сложения культуры херексуров [Цыбиктаров, 2003, с. 25–28; 2013]. По херексурам и комплексам с оленными камнями, связанными с ними, из Центральной и Западной Монголии была получена большая серия радиоуглеродных дат. По херексурам они легли в пределах XVII–VII вв. до н. э. [Эрдэнэбаатар, 1997, с. 18–19; 2002, с. 134; Takahama Shu, 2010, с. 127; Баярсайхан, 2017, зураг 1, 4 на с. 320, 322), а по комплексам с оленными камнями — в границах XIV–VII вв. до н. э. [Takahama Shu, 2010, с. 127; Баярсайхан, 2017, с. 206, 210, зураг 2, 3 на с. 321, 322].

Таким образом новые датировки культур плиточных могил и херексуров могли внести существенные корректировки в определение времени начала сложения центральноазиатской расы в сторону их углубления до эпохи бронзы. Однако одной только синхронизации времени обитания монголоидного населения культуры плиточных могил и европеоидных носителей культуры херексуров для этого недостаточно. Необходимо было установить непосредственные контакты между их носителями и показать их сосуществование в пределах монголо-забайкальских степей, сопровождавшееся установлением прямых этнических контактов между ними.

В 1980–2000-х гг. раскопки плиточных могил и херексуров в Южной Бурятии выявили серию случаев перекрытия оград херексуров кладками плиточных могил и фактов обоюдного осквернения и ограбления погребений на могильниках Старая Капчеранка I, Тэмэ-хад II, Баин-Улан II в местности Бурдуны на границе Бурятии и Монголии недалеко от г. Кяхта, могильниках Шара-хад и Булык в долине р. Кударинка, притока Чикоя в Кяхтинском районе Бурятии. В то же время на могильнике Тэмэ-хад II кладка жертвенника культуры херексуров перекрыла кладки двух плиточных могил. Таким образом результаты раскопок не оставляли сомнения в том, что на обширных пространствах Центральной Монголии, Юго-Западного Забайкалья и прилегающих к ним районов Восточной Монголии и Восточного Забайкалья (Красночикийский район Забайкальского края) население обеих культур сосуществовало и проживало в непосредственном соседстве.

Картографирование показало, что контактная зона населения обеих степных культур, образовавшаяся в результате миграции европеоидов из Западной Монголии на восток, охватила значительную территорию Центральной Монголии, Юго-Западного Забайкалья и прилегающих к ним районов Восточной Монголии и Восточного Забайкалья. Она протянулась с востока на запад почти на 1300 км, а с севера на юг — около 600 км. Это свидетельствует не о локальной, а массовой миграции европеоидов культуры херексуров на территорию культуры плиточных могил.

Причиной продвижения носителей культуры херексуров явилось давление избытка населения на производительные силы и аридизация климата в регионе Центральной Азии в конце II тыс. до н. э. [Цыбиктаров, 2012, с. 284–287; 2013]. Информация из раскопок памятников обеих культур, факты использования оленных камней в качестве строительного материала при сооружении плиточных могил, почти тотальная оскверненность и ограбленность погребений этих культур показали, что группы населения культур плиточных могил и херексуров не просто сосуществовали в пределах контактной зоны, а всту-

пали в отношения, которые со временем изменялись и приобретали разный характер. Выделилось три этапа их взаимоотношений: I. Враждебного противостояния; II. Мирного сосуществования; III. Этнического смешения [Цыбиктаров, 2013].

I этап враждебного противостояния был обусловлен непримиримостью хозяйственных интересов населения обеих культур. Основой хозяйства и тех и других являлось кочевое и полукочевое скотоводство. Приток населения с одинаковым типом экономики вызвал резкое обострение отношений из-за пастбищных угодий между автохтонным населением и пришельцами. Мигрантам необходимо было добиться выпаса скота на пастбищах местного населения, с чем оно не могло согласиться в условиях аридизации климата, сопровождавшейся падением продуктивности угодий. По этим причинам на этом этапе, видимо, происходили многочисленные военные столкновения, что археологически отразилось в осквернении могил и жертвенников с обеих сторон. Такие факты были зафиксированы раскопками на указанных выше памятниках. Они не оставляют сомнения в напряженном, немирном характере взаимоотношений между носителями обеих культур (см. более подробно: [Цыбиктаров, 2013, с. 361–364]). Об этом же свидетельствует использование 155 оленных камней, т. е. более 30 % от их общего количества, зафиксированных на начало 1980-х гг.¹ в более чем 40 плиточных могилах Монголии и Бурятии в качестве строительного материала. При этом в некоторых случаях оленные стелы дополнительно разбивались на куски, устанавливались в перевернутом положении. Тем самым выказывалось явно пренебрежительное отношение к ним как культовым стелам пришлого населения (см. более подробно: [Цыбиктаров, 2013, с. 364–367]).

На II этапе взаимоотношения постепенно нормализовались, установились отношения мирного сосуществования населения обеих культур разной расовой принадлежности. Это отразилось в материалах раскопок на могильниках Улзыт III и VI в долине р. Чикой на границе с Монголией. На Улзыте VI кладки двух плиточных могил были аккуратно пристроены к круглой ограде херексура без ее разрушения. Внутри насыпи с южной стороны от погребальной камеры камни были выбраны в результате более поздней попытки ограбления, в результате чего они здесь отсутствовали. Но ограбление произвели не плиточники. Будучи современниками строителей херексура, они знали местонахождение погребения, поэтому при совершении ограбления или осквернения не могли ошибиться.

На могильнике Улзыт III череп из херексура по мнению И.И. Гохмана (устное сообщение), характеризовался монголоидными чертами людей из плиточных могил, однако был похоронен по обряду захоронения пришельцев. Это указывает на установление не только мирных отношений между пришлым и местным населением, но и этнических связей между ними. В обряде захоронения автохтонного населения фиксируется безынвентарный вариант, происхождение которого связано, вероятно, с контактами плиточников с населением культуры херексуров [Цыбиктаров, 1998, с. 80–81, 83–84]. Указанные факты можно объяснить только нормализацией отношений и установлением прочных культурных и этнических связей (см. более подробно о II этапе: [Цыбиктаров, 2013, с. 367–369]).

На III этапе [Там же, с. 369–371] сложившиеся отношения со временем вели к процессу этнического смешения. Косвенно об этом говорят материалы раскопок указанного выше херексура с могильника Улзыт III. Однако прямую информацию о непосредственном этническом смешении содержат палеоантропологические материалы с территории Монголии. Это уже указанные выше черепа из плиточных могил с контактной зоны населения обеих культур в пределах Убурхангайского и Архангайского аймаков Монголии, характеризующиеся особенностями центральноазиатской расы [Тумэн, 1985, с. 7–8, 15–

¹ Подсчеты произведены по материалам монографии В. В. Волкова (1981) и статьи А. П. Окладникова (1980).

16], т. е. имеющие европеоидную примесь. Подобная же ситуация, но обратного характера имела место на могильнике Худжиртэ в Центральной Монголии. Череп из херексура имел европеоидные особенности при некоторой монголоидной примеси [Гохман, Влчек, 1991, с. 53–54].

Анализ вещественных находок и результаты радиоуглеродного анализа из плиточных могил и херексуров в южной Бурятии позволили датировать происходившие этнокультурные процессы концом II — началом I тыс. до н. э. Радиоуглеродные даты по Баин-Улану II и Старой Капчеранке I, полученные в радиоуглеродной лаборатории Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург, зав. лабораторией Г. И. Зайцева) уложились в пределах XIII (3330±120 л.т.н.) — IX (2890±70 л.т.н.) вв. до н. э. Большинство из них легли достаточно плотно в пределах XI–IX вв. до н. э., т. е. позднебронзового времени. Лишь одна дата по плиточной могиле № 4 из Баин-Улана II уходит в начало VII в. до н. э., но с учетом допуска в 200 лет она может оказаться в начале IX в. до н. э.

В Юго-Западном Забайкалье и Центральной Монголии со временем, постепенно население культуры херексуров было, вероятно, ассимилировано плиточниками. Об этом говорит отсутствие среди раскопанных херексуров памятников, которые содержали бы материалы скифского времени. В то же время в Восточном Забайкалье, Восточной Монголии и в восточной части Гоби, где отсутствуют херексуры, антропологический тип плиточников, вероятно, по-прежнему характеризовался особенностями байкальской расы. Черепа из плиточных могил Восточной Монголии относятся к байкальскому типу и подтверждают это [Тумэн, 1985, с. 7–8, 15–16; 1992, с. 59]. Близкая ситуация обратного характера с поправкой в сторону европеоидности имела место в то время в Западной Монголии. Черепа из безынвентарных погребений монгун-тайгинского типа из Убусунурского и Кобдоского аймаков были европеоидными при некоторой монголоидной примеси [Алексеев, 1974; Тумэн, 1985, с. 7–8, 15–16].

Таким образом новые археологические данные свидетельствуют о том, что активные этнические контакты монголоидного и европеоидного населения в степях Монголии и Забайкалья — зоне формирования центральноазиатской расы, имели место задолго до хуннской эпохи, еще в конце II — начале I тыс. до н. э. Это позволяет удревить время начала сложения центральноазиатской расы континентальных монголоидов, к которым относятся монголы и буряты, почти на тысячу лет. Процесс формирования центральноазиатской расы продолжился, как показали антропологи, в скифское [Мамонова, 1979, 1980, 1986; Тумэн, 1985, с. 9], хуннское время и в эпоху средневековья [Алексеев, 1974а, б; Гохман, 1980; Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987; Тумэн, 1985, 1992].

Литература

1. Алексеев В. П. География человеческих рас. М.: Мысль, 1974а. 351 с.
2. Алексеев В. П. Новые данные о европеоидной расе в Центральной Азии // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1974б. С. 370–390.
3. Алексеев В. П., Гохман И. И., Тумэн Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век — эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1987. С. 208–241.
4. Баярсайхан Ж. Монголын умард нутгийн буган хошоод. Улаанбаатар: Интерпресс ХХК-д хэвлэв, 2017. 323 с.
5. Волков В. В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. 254 с.
6. Гохман И. И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 36. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1980. С. 5–34.
7. Гохман И. И., Влчек Э. Э. Древнее погребение из Худжиртэ (Центральная Монголия) // Сборник МАЭ. Т. XLIV. СПб.: Наука, Петерб. отд-ние, 1991. С. 48–54.

8. Мамонова Н. Н. Древнее население Монголии по данным палеоантропологии // III Международный конгресс монголоведов. Т. III. Улаанбаатар, 1979. С. 204–210.
9. Мамонова Н. Н. Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 36. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1980. С. 60–74.
10. Мамонова Н. Н. Скифы Западной Монголии по данным палеоантропологии // Скифская эпоха Алтая: тез. докл. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1986. С. 83–85.
11. Тумэн Д. Вопросы этногенеза монголов в свете данных палеоантропологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. 20 с.
12. Тумэн Д. Антропология современного населения МНР: автореф. дис. ... д-ра биол. наук. М., 1992. 62 с.
13. Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Забайкалья и Монголии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. 24 с.
14. Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. 288 с.
15. Цыбиктаров А. Д. Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа (II — первая половина I тыс. до н. э.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2003. 49 с.
16. Цыбиктаров А. Д. Древние миграции в Центральной Азии в эпоху бронзы и раннего железа: причины и последствия // Монгол болон Байгал нуур орчмын Сибирийн эртний соел. Олон улсын эрдэм шинжилгээний 3-р хурлын илтгэлийн эмхтгэл. Тэргун дэвтэр. Удаанбаатар, МУИС-ийн Хэвлэх уйлдвэр, 2012. С. 283–292.
17. Цыбиктаров А. Д. Этапы взаимоотношений населения культуры плиточных могил и культуры херексуров в Центральной Азии в «эпоху великого переселения народов» бронзового века // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы IV Междунар. науч. конф. Чита, 13–19 сентября 2013 г. Чита: Экспресс-издательство, 2013. С. 360–373.
18. Баярсайхан Ж. Монголын умард нутгийн буган хошоод. Улаанбаатар, 2017.
19. Takahama S. Research of Ulaan Uushig I (Uushigiin Ovor) in Mongolia and newly acquired 14C data // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. Вып. 1. С. 126–131.
20. Эрдэнэбаатар Д. Памятники бронзового и раннего железного веков бассейна р. Селенги: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улаанбаатар, 1997. 23 с.
21. Эрдэнэбаатар Д. Монгол нутгийн дорволжин булш, хиригсуурийн соел. Улаанбаатар: Соёмбо принтингинг, 2002. 275 с.